

УДК 930

DOI 10.46698/VNC.2022.80.33.001

А.Л. Чибиров

Алексей Львович Чибиров

Владикавказский научный центр Российской академии наук, директор, кандидат исторических наук, Владикавказ, PCO-A, e-mail:

Дзамбулат Дзанти: осетинские древности глазами эмигранта

Аннотация. В 1933 году в Париже начал издаваться журнал «Осетия», главным редактором которого выступил Дз. Дзанти – общественный деятель, организатор, увлеченный прошлым Осетии, сумевший привлечь к осетинскому материалу таких ученых, как Г.В. Вернадский и Ю.Н. Рерих. Девять номеров журнала «Осетия», вышедших в пяти книгах в период с 1 января по сентябрь 1933 года, содержат публикации, написанные на трех языках – французском, русском, осетинском. В 1932 г. вместе со своими друзьями-эмигрантами Дзамбулат Дзанти организовал центр осетинских исследований в Париже «Институт Осетинологии». С 1953 по 1955 гг. центром было выпущено 6 изданий журнала. В 1956 году выходит небольшая совместная статья Георгия Вернадского и Дзамбулата Дзанти под названием «Осетинская легенда об Иры Дада и Мстиславе».

Ключевые слова: Дзанти, Рерих, Вернадский, Осетия, Иры Дада.

A. Chibirov

Владикавказский научный центр Российской академии наук, директор, кандидат исторических наук, Владикавказ, PCO-A, e-mail:

Dzambulat Dzanti: Ossetian antiquities through the eyes of an emigrant

Abstract. In 1933, the «Ossetia» journal began to be published in Paris, the editor-in-chief of which was Dz. Dzanti – a public figure, organizer, fascinated by the past of Ossetia, who managed to attract such scientists as G.V. Vernadsky and Yu.N. Roerich. Nine issues of the journal «Ossetia», that were published in five books from January 1st to September 1933, contain publications written in three languages – French, Russian, Ossetian. In 1932, together with his emigrant friends, Dzambulat Dzanti organized a center for Ossetian studies in Paris, the «Institute of Ossetian Studies». From 1953 to 1955 the center issued 6 editions of the journal. In 1956, a small joint article by Georgy Vernadsky and Dzambulat Dzanti was published under the title «Ossetian legend about Iry Dada and Mstislav».

Keywords: Dzanti, Roerich, Vernadsky, Ossetia, Iry Dada.

Весьма интересный взгляд на становление вопроса этногенеза древних иранцев имеют представители русско-осетинской зарубежной историографии. Ярким подтверждением тому является деятельность поэта Дзамбулата Дзанти, главного редактора журнала «Осетия», который издавался в Париже в первой четверти двадцатого века.

С позиции современной науки Дзамбулата (Афанасия) Дзанти сложно было назвать серьезным ученым, однако, обладая, судя по всему, незаурядной харизмой, он выступил организатором, который сумел привлечь к осетинскому материалу целый ряд известных ученых, в том числе такие имена, как Николай Константинович и Юрий Николаевич Рерихи, Георгий Владимирович Вернадский. Биографические данные Дзамбулата Дзанти весьма скудны. Участник Первой мировой и Гражданской войн. Капитан. Поэт. Историк. Член Народной партии горцев Кавказа (1929, Париж). Сотрудничал с журналом «Горцы Кавказа». Неизвестна дата его рождения. Неизвестно, когда именно он покинул Россию. Судьба Дз. Дзанти начинает раскрываться с момента выхода в свет его поэтического сборника «Изгнанник Кавказа» [1], который был издан в Париже в 1931 г. В 1933

году Комитетом осетиноведения при Европейском центре Музея академика Н.К. Рериха в Париже начал издаваться журнал «Осетия», главным редактором которого выступил Дзамбулат Дзанти. Параллельное название писалось в журнале как «Osetia». Активное участие в работе редколлегии принимали известные востоковеды Н.К. Рерих и Ю.Н. Рерих. Извещая общественность о начале деятельности Комитета осетиноведения, председатель комитета Б.П. Цараев писал: «... Осетины, проживающие в Париже, стремясь объединиться в культурной работе, решили основать комитет, задачей которого будет изучение языка и истории Осетии» [2, № 1]. В журнале публиковались материалы, написанные на трех языках – осетинском, русском, французском.

Первый номер журнала включал в себя приветственные послания Н.К. Рериха и Ю.Н. Рериха. Письма эти весьма информативные, и в рамках заявленной темы представляют несомненный интерес, поэтому мы посчитали нужным привести их целиком.

«Письмо Почетного Председателя Комитета Академика Н.К. Рериха
17-го мая 1932 г.

Осетинскому комитету в Париже.

Дорогие Сотрудники,

с сердечною радостью получил я письмо Вашего Общества от 28-го апреля с. г. с избранием меня Почетным Председателем. С удовольствием принимаю это избрание, которое мне еще раз напоминает о моих сердечных отношениях с Кавказом. Не могу не вспомнить, что мое первое общественное выступление было в 1895 году в Петербурге на Кавказском вечере, где мною были поставлены живые картины героического Кавказа. Тогда же газеты поместили сведения о том, что я уроженец Кавказа. И теперь Ваше избрание и присоединение Вашего Общества к нашей культурной работе благостно напоминают мне о всех моих любованиях Кавказом.

Древняя Родина осетин вызывает представление о славе и высокой Культурности аланов, строивших лучшие Храмы не только в пределах Кавказа, но и несших высокое творчество свое в древнейшие города как Владимир и Суздаль, и Юрьев-Польский. Этот благодный стиль Кавказа, стиль – высочайший выразитель великих носителей Культуры Азии, запечатлелся в Западном представлении в блестящих формах романского стиля. Но мы-то знаем, насколько случайно это наименование, ибо сейчас даже в глубинах Гималайских нагорий, среди развалин древних храмов Кашмира, мы видим тоже блестящее наследие великих путников, насытивших лучшее проявление духа человеческого. Счастливы должны быть Осетины, измеряя славные корни свои. Приходя и к сношению с Византией, вспоминая Императора Юстиниана, вспоминая Крестовые Походы, сколько поистине героических вех вел и ведет Ваш Народ, полный сознанием героизма и стремлением к истинному совершенствованию. **Народ, мечтающий о героизме, готовит себе расцвет** (выделено мной. – А. Ч.). И так на основах истинного героизма Культуры, от древности и до сего дня вы устремляетесь к созидательным началам».

«Нагарь, 19-го мая, 1932 г.

Осетинскому Комитету г. Парижа.

Сердечно благодарю за избрание Почетным Членом Вашего Общества. Научные цели Вашего объединения совпадают с моими изысканиями в области среднеазиатского прошлого, в котором племена древних сарматов-алан играли столь выдающуюся роль. Своим прошлым Осетия тесно связана с великим южно-русским и средне-азиатским кочевым миром, этим мостом между культурами Средиземноморского бассейна и Дальнего Востока. Перед средне-азиатской археологией стоит большая задача выяснения прошлого сарматов-алан, которые со второй половиной IV столетия до Р. Хр. начали теснить Скифскую державу Юга России. В настоящее время только начинает выясняться громадная культурная роль этих племен-всадников, создавших красочную орнаменти-

ку, мощно повлиявших на зодчество раннего Средневековья и пересоздавших Римскую и Китайскую конницу, внеся новое вооружение и новую тактику конного боя. Это культурное наследие еще живо во многих областях среднеазиатского мира, и своим размахом достойно самого глубокого изучения.

При общем стремлении современной цивилизации нивелировать и сметать национальные культуры воссоздание прошлого этих культур является насущной задачей. Рад слышать о вашей совместной работе с нашим Европейским центром и всегда готов быть полезным в деле изучения славного прошлого народа Осетии.

С искренним приветом на общих путях,
Юрий Рерих».

Номер предваряет статья самого Дзамбулата Дзанти «Осетинский язык – праотец языка Индо-Европейских народов» [2, № 1. С. 5], которая растянулась на пять последующих номеров. Судя по тому, что первая часть статьи отмечена как «глава 1», можно предположить, что работа эта должна была вылиться в некий большой труд. К сожалению, дополнительной информации по этому поводу в архивах обнаружить не удалось. Более того, статья Д. Дзанти публикуется в 4-5-6-м номерах издания с пометкой «продолжение следует», однако в последнем, 7-м номере, тема не получила дальнейшего развития.

Статью пронизывает некий романтизм, легкий дилетантизм и стремление любое культурное, лингвистическое или историческое явление, связанное с иранскими народами, объяснить с позиции универсального лингвистического и исторического понятия, обозначенного им как «Осс-Аланство». Сам автор статьи выступает в качестве филолога, специалиста по «современному осетинскому языку». Вольная интерпретация им исторических процессов в хронологических рамках, начиная «со времен Одина, покорителя Скандинавии, и кончая осетинами, населяющими Кавказ» [2, № 1. С. 5], объяснение этих событий с позиций «современного» осетинского языка призвано было «пролить свет на тот путь, по которому до сих пор шли ошупью исследователи этого вопроса, сами не отдавая себе отчета в том, в какой тупик они завели нас сегодня своими загадками и разгадками чисто кабинетного характера, основывая зачастую научные вопросы на гипотезах и предположениях, проходя мимо настоящего богатейшего источника и ключа к раскрытию этих тайн – современного осетинского языка. ...Нет ни одной народности, донесшей свое историческое имя, которая бы не сталкивалась с Аланами», – заключает Дз. Дзанти [2, № 1. С. 5].

Далее автор приводит весьма вольные интерпретации различных терминов: топонимических, гидро- и географических, а также свою этимологию известных ему этнонимов. Так, со ссылкой на Плиния старшего, который перечисляет скифские

племена и упоминает в этом ряду племя Аз-Оси, Д. Дзанти интерпретирует «Аз-Оси» как «Аз – по осетинский – Я, а Осы – осетин» [2, № 1. С. 6]. Дальше – больше. «Асы или Оссы (предки современных осетин)... проникли на север в Скандинавию... Ос-Аланы принесли с собой оружие, которое блестело на солнце как золото. Их оружие было из бронзы, а само слово «бронз» на языке современных осетин «бр – ползи, а ронз – повальная болезнь. Это оружие в те времена служило для повального истребления противника. Предводителем Осс-Алан был Оддин, что означает по осетинский «од» или «Уд» – душа, а дан – я есть, в общем же «Я есть душа» [2, № 1. С. 7]. Скифы это «производное от осетинского скаф, что значит на Осс-Аланском языке в буквальном переводе похититель» [2, № 2. С. 7], хазары – это не особый народ – «предположение легко опровергнуть чисто филологическим путем, а именно: слово хадзар – осетинское слово – дом, а отсюда хадзары – дома» [2, № 2. С. 7]. Сюжетная линия известного похода царя Дария на Скифию (513 г. до н. э.) в литературном изложении Дз. Дзанти заиграла совершенно иными красками, в которой присутствует город Багдад, Аланский царь, Шах, предатель по имени Риза и дочь Шаха, которая спасает жизнь аланскому царю [2, № 4-5-6. С. 14]. Каждую статью в номере завершают образцы поэтического творчества автора на осетинском языке.

С научной точки зрения работы Дз. Дзанти, опубликованные прежде всего в редактируемых им изданиях, не представляют ценности для профессиональных историков и лингвистов. В данной ситуации он интересен сам, прежде всего как общественный деятель, организатор, увлеченный прошлым Осетии. У стороннего наблюдателя вызывают интерес не поэтические или историко-лингвистические изыскания Дзамбулата Дзанти, а то, что он сумел привлечь к осетинскому материалу таких личностей, как Г.В. Вернадский и Ю.Н. Рерих, поэтому невозможно не выказать уважение его организаторским способностям. Так, в номере 4-5-6 за апрель-май-июнь 1933 г. была опубликована блестящая статья Ю.Н. Рериха под названием «Аланские дружины в Монгольскую эпоху».

«Они являются в наши дни величайшим и благороднейшим народом мира, прекраснейшими и храбрейшими людьми» [2, № 7, с. 3]. С этих слов монаха-францисканца Джованни Мариньолли¹ об аланах начал свой небольшой, но емкий очерк Юрий Николаевич Рерих. Статья носила больше просветительский характер. После краткого экскурса в историю алан автор вкратце описывает начальный этап монгольских завоеваний, связанный с преследованием военачальниками Чингисхана Джэбэ-нойоном и Субэдэй-багатуром султана Хорезма Ала ад-Дин Мухаммеда II, и последовавший за этим победоносный вояж преследователей че-

рез Северо-Восточный Иран и Закавказье, с переходом через Дербент на Северный Кавказ. Именно здесь произошло первое скрещение боевого оружия монголов с наиболее многочисленным из народов Северного Кавказа – аланами. Внезапное появление монголов на Северном Кавказе было неожиданностью для всех. Автор пишет: «На фоне общей дезорганизации и почти повсеместного бегства источники особо отмечают упорное сопротивление, оказанное аланскими дружинами. Многовековая военная культура алан столкнулась в кровавом бою с пришельцами с Востока. Монгольские полководцы, всегда гениально оценивавшие качества и особенности своих противников, особо отметили доблесть аланских дружин» [2, № 7, с. 4]. При столкновениях на поле боя на начальном этапе их кампании на Северном Кавказе монголы были настолько впечатлены боевыми качествами алан, что «поединок сделал из монгол и алан соратников, и это тесное сотрудничество продолжалось до конца монгольской эпохи» [2, № 7, с. 4]. Монголы использовали асов-алан прежде всего как военную силу. Причину такого предпочтения Ю.Н. Рерих объясняет следующим образом: «Высшее монгольское командование, которое всегда лояльно признавало военные качества своих противников, по справедливости оценило большую доблесть алан и мудрость их командиров. Потому оно было счастливо заключать с ними военный союз. С этого момента аланская кавалерия соединилась с монгольской армией и приняла участие с ней во всех операциях» [3, с. 360].

Судя по назначению статьи, автор не ставил перед собой задачу подробного описания истории служения алан монголам, которое растянулось во времени на два столетия. Ю.Н. Рерих и другие исследователи темы единодушны в одном: аланские конные отряды показали себя на востоке достойно, о чем свидетельствует последующий рост их численности. Так, если в начальный период количество алан в личной гвардии Великого Хана не превышало 1 000 человек, то уже около 1271 г. при Хубилай-хане (1264–1294) совместно с некоторым количеством кипчаков из них была сформирована гвардия Джасин (охрана аланов) из 3 000 всадников. Аланская гвардия достигла своего пика во время правления Туг-Темура, когда их общее количество увеличилось до 30 000 человек. Несколькими примерами автор статьи иллюстрирует то, каким высоким авторитетом пользовались воины-аланцы у руководства империи и ее армии. Речь идет об аланах не только как рядовых всадниках, но и о военачальниках, которые благодаря проявленному мужеству достигли высот в военной иерархии монгольской империи. Этот факт автор иллюстрирует на примере нескольких аланских семейств. Выдающимся офицером стал Фу-дин (Фодин), сын Во-ло-сы (Василий), который

¹ Джованни де Мариньолли (1290 г. – после 1357 г.) – итальянский францисканец-миссионер, путешественник, дипломат, папский легат и епископ.

в 1311 г. являлся начальником штаба правофлангового корпуса аланской гвардии, а затем он, проявив себя с лучшей стороны, был переведен на должность начальника военного ведомства (Цюй-ми-юань). Впоследствии во главе отряда в тысячу всадников, он был послан охранять Цзянь-минь-чжень. Более того, в хрониках 1236 г. некий Фу-дин отмечен как «глава всех алан» [2, № 7, с. 5].

Со ссылкой на Юань-ши Ю.Н. Рерих упоминает и такие имена знатных алан, как Кэ-ли-чжи-сы (Георгий), его сын Ди-ми-ди-эр (Дмитрий), Сянь-шань, Чжо-янь-бу-хуа, который был сыном Цаяо-хуа и соответственно правнуком аланского князя Николая, который в свое время поступил на службу к Великому Хану Мунке. Согласно Юань-ши, Чжо-янь-бу-хуа был выдающимся офицером и в 1329 г. командовал отрядом в четыреста аланских всадников. «В 1336 г. он уже занимал высокий пост Начальника Военного Ведомства (Цюй-ми-юань) и командовал лево-фланговым корпусом аланской гвардии» [2, № 7, с. 5].

Еще один интересный факт, который в качестве примера приводит Ю.Н. Рерих, говорит о посольстве, которое по просьбе местных христиан Хан Узбек отправил к Папе Бенедикту XII. Во главе посольства был некто Андрей, которого хроники называют франком. «При нем состоял алан Тогай и 13 спутников» [2, № 7, с. 4]. Посольство было принято Папой в Авиньоне 31 мая 1338 г., и помимо ханских грамот посольство передало письмо от асских военачальников, которое было датировано 11 июля 1336 г. «Этот любопытный документ... был подписан рядом аланских князей» [2, № 7, с. 4]. Первым подписантом среди асов был тот самый Фодин, сын Во-ло-сы, младший правнук прежнего правителя страны асов, который возглавлял Военное ведомство империи. В письме аланы сообщали о том, что христианский архиепископ Ханбалыка Джованни Монтекорвино, который долгие годы наставлял в вере аланскую паству, скончался, и аланы империи, оставшись на восемь лет без пощения архиепископа, просили Святой Престол прислать им нового пастыря.

По следам этого посольства Папа Бенедикт XII направляет в Китай миссию из пятидесяти монахов во главе с папским легатом, путешественником и дипломатом Джованни де Мариньолли, которая прибыла в Ханбалык (Пекин) в 1342 г.

Конечно же, эту работу Ю.Н. Рериха стоит рассматривать как вполне самостоятельное исследование, что позволяет нам, в отличие от работ самого Дз. Дзанти, рассмотреть ее в некоем критическом ключе. Аланы отметились в восточных хрониках, оставив при этом довольно значимый след в истории Китая. Более того, Ю.Н. Рерих отмечает, что «их потомки видимо продолжали играть известную роль и при следующей китайской династии Мин» [2, № 7, с. 5]. Но вряд ли автор прав в этом своем предположении, полагая, что потомки аланских воинов первой волны могли

также достойно служить в рядах армии, пришедшей на смену Юань китайской династии Мин. С военной силой побежденных монголов китайцы не церемонились. Так, из 100-тысячного аланского контингента немалая часть полегла в битвах, в то время как остальные были обречены на ассимиляцию в местной среде, получив впоследствии название асуды. Асуды как воинский клан компактно проживали в Южной Монголии. Монгольский ученый Т. Очир отмечает, что «в собственно Монголию пришли предки современных осетин с Кавказа, потомки которых, омонголившись, образовали впоследствии род асуд» [5].

Кроме того, сомнение вызывает утверждение Ю.Н. Рериха, будто при первой схватке с монголами (1222), наряду с половцами, союзниками алан выступили лезгины и черкесы, в то время как во всех известных источниках в качестве союзников алан указываются лишь половцы. «Ко времени выхода монголов на Северный Кавказ они (аланы. – А. Ч.) заключили союз с кипчаками о совместной борьбе с завоевателями», – читаем мы в Истории Северо-Осетинской АССР [4, с. 124]. Первое сражение произошло между «объединенными силами северокавказских аланов и кипчаков», отмечает украинский ученый О.Б. Бубенок [6, с. 16]. Нуждается в корректировке мнение автора о том, что со времени вторжения Батыя аланская конница постоянно участвовала в монгольских походах. Безусловно, в этот период произошло значительное увеличение аланского контингента в монгольской армии, а набор и отправка алан на военную службу в монгольской армии начались с первой половины века после походов, возглавляемых Субедеем и Мунке [6, с. 96]. И тем не менее, как заявляет Ю.Н. Рерих, «под знаменами монгольских ханов аланский меч снова начертал славную страницу своей истории» [2, № 7, с. 5].

В конце сороковых и на протяжении пятидесятих годов прошлого столетия Ю.Н. Рерих поддерживал активную переписку с Г.В. Вернадским, большую часть которой в 2012 г. опубликовал журнал «Культура и время». Ученые обсуждают различные аспекты научной жизни, в том числе и вопросы, связанные с древними народами. Упоминается в письмах и Дз. Дзанти, который, судя по переписке между коллегами, был очень близок с учеными. Более того, они считались с его мнением, что и отразилось на дальнейшем сотрудничестве Дз. Дзанти, в частности, с Г.В. Вернадским.

Так, в письме от 12 мая 1954 г. Ю.Н. Рерих пишет: «Глубокоуважаемый Георгий Владимирович, спасибо за Ваше письмо от 10 апреля и за номера журнала «Oss-Alanes», издаваемого Дзамбулатом Дзантиевым. В прошлом покойный отец интересовался работой этой достойной группы. Тогда они издавали журнал «Осетия» на русском языке» [7. С. 73].

24 июня 1954 г. Г.В. Вернадский пишет Ю.Н. Рериху: «...огорчен, что письмо Ваше о тохарской

проблеме, по-видимому, пропало – во всяком случае, до сих пор еще я его не получил. Если у Вас найдется минутка свободная, не можете ли Вы мне хотя бы вкратце изложить сущность Ваших взглядов на это. Дзамбулат мне писал, что по-осетински (и, значит, по-алански) тохар = воин (тох = война, ар = делатель: «делатель войны»). Не входя в вопрос о тохарском языке, думаю, весьма возможно, что военные дружины народа тохаров (кто бы они ни были) были организованы аланами и потому известны были под аланским названием» [7, с. 75]. В ответном письме следует подробное изложение взглядов Ю.Н. Рериха на проблематику. Коллеги при этом переживают за здоровье Дз. Данти. В письме от 5 августа 1954 года Г.В. Вернадский пишет: «Любопытна тибетизированная форма *Thodkar*, означающая «белолобые». Мне одно время приходило в голову объяснение *to-gara* (Di-gor) = две горы, народ двух гор, но если это так, теперь я думаю, что это также только местное объяснение смысла имени, а имя Тохар все же, скорее всего, аланское «воин». Толстовское² отождествление с массагетами не противоречит этому, если принять объяснение Дзамбулата Дзантье имени Массагеты из аланского языка» [7, с. 76].

Журнал «Осс-Аланы», упоминаемый в письмах, стал для Дз. Дзанти логическим продолжением проекта «Осетия», который он издавал в 1933 году. Научный архив СОИГСИ ВНЦ РАН сохранил все четыре брошюры этого издания, которое печаталось в Париже под титулом «Осс-Аланы, 1932–1954. Трехмесячный журнал Института Осетинологии. Орган научных исследований / Ирон институт/ Организатор и главный редактор: Дзамбулат Дзанти. Редакция: 29, РЮ Габриэль Пери, Кламарт / Сена, Франция». В профессиональном плане это было более качественное издание. Помимо самого Дз. Дзанти, Г.В. Вернадского и Ю.Н. Рериха, в нем были опубликованы работы ученого из Стокгольма Wally de Fresquiere³, статья «*Lepassé de l'ossete*» известного государственного и общественного деятеля, публициста, фольклориста и градоначальника Владикавказа (1902–1907) Гаппо Баева, эмигрировавшего после революции 1917 г. в Германию. Печатались в журнале и статьи и стихи различных представителей осетинской эмигрантской общности, как на французском языке, так и на иронском и дигорском диалектах осетинского языка.

Музей Рерихов, филиал государственного музея Востока, выложил в публичный доступ его обширную переписку. Сохранились в архивах и письма от Дзамбулата Дзанти в адрес Ю.Н. Рериха, датированные 1954 годом [9]. На конвертах указан адрес Ю.Н. Рериха в Индии. Писем – шесть, два из которых написаны на бланке Института Осетино-

логии, на остальных бланках стоит штамп *United States Navy* (ВМФ США). Сложно понять, какое отношение имел Дз. Дзанти к ВМФ США. Первое письмо, датированное 24 апреля 1954 г., начинается обращением «Многоуважаемый Георгий Николаевич» и сетованием на то, что письма, ранее написанные Дз. Дзанти, не доходили до адресата «судя по адресу, полученному теперь от проф. Георгия Вернадского». Далее следует просьба поддержать журнал «Осс-Алан»: «Если Вы... найдете возможность удостоить нас чести своими трудами по Аланскому вопросу, украсить и обогатить наш журнал, мы будем от души Вам благодарны» [9]. Следующее письмо от 17 мая 1954 г. начинается с фразы «Дорогой друг осетин и незабвенный наш кунак Георгий Николаевич». Дз. Дзанти благодарит за ответное письмо, рассказывает о деятельности Института Осетиноведения и в очередной раз озвучивает просьбу прислать статью для журнала «Осс-Алан». Судя по публикациям журнала, Ю.Н. Рерих, которого Дз. Дзанти в письмах называет Георгием Николаевичем (так же, как его называл Г.В. Вернадский), статью для журнала не прислал, поэтому Дз. Дзанти опубликовал во втором томе «Осс-Аланы» давнюю статью Ю.Н. Рериха «Аланские дружины в монгольскую эпоху» в переводе на французский язык, автором которой значится «Жорж Рерих».

Однако в письмах есть весьма интересная ремарка. В письме без даты за номером 5 Дз. Дзанти сетует на перенесенную тяжелую болезнь и пишет: «Очень Вас прошу, постарайтесь мне ответить сейчас же (имеется в виду просьба прислать статью для публикации в журнале. – А. Ч.), т. к. это важно для моей морали и здоровья, после болезни, а также для плана, как распределить накопившийся интересный материал. Большая статья G. Vernadsky о Великом переселении народов и роли Алан, очень интересная и богато иллюстрирована документами» [9].

По просьбе Дзамбулата Дзанти Георгий Владимирович опубликовал в томе за I и II триместр 1954 г. эссе под названием «Очерки эпической истории алан». Эссе было слегка переработанной версией его более ранней статьи «Относительно эпической поэзии аланов» [10], опубликованной в 1953 г. в Бельгии в сборнике «*Annuaire de l'institut philologie et d'histoire orientales et slaves*». В начале своей статьи Г.В. Вернадский подчеркивает важную роль алан в истории древнего мира. Вслед за этим он объясняет причину внимания к этой теме следующим образом: «В то время, когда важность аланского искусства в истории цивилизации была широко признана еще до наших дней, эпическая аланская поэзия, напротив, нам еще пока не известна. Между тем как великий эпос часто явля-

² Толстов С.П. (25 января 1907; Санкт-Петербург, Российская империя – 28 декабря 1976; Москва, СССР) – советский историк, этнограф, археолог, исследователь истории народов Средней Азии; истории, этногенеза, культуры каракалпакского народа, открыватель древнехорезмийской цивилизации.

³ К сожалению, никакой дополнительной информации о нем, кроме ряда его публикаций в журнале *Oss-Alanes* («Мифология шведская и аланская», «Осетия и Скандинавия» и др.), обнаружить не удалось. – А. Ч.

ется духовным спутником большого искусства и эти две ветви (искусство и эпос. – **А. Ч.**) расцветают одновременно» [8. Ф. 41, л. 4]. Главное в рассматриваемой работе – это убежденность автора в том, что «аланский эпос оказал воздействие на поэтический фольклор некоторых своих соседей, включая алтайские (тюркские. – **А. Ч.**) народы, иранцев и славян» [8. Ф. 41, л. 4]. Для обоснования сказанного автор анализирует персидский эпос эпохи Ахеменидов, тексты сасанидского периода (к примеру, «Шахнаме» Фирдоуси), пишет о влиянии, оказанном на персов сакскими племенами, тем самым замыкая этнический круг: саки родственны аланам. В том же сравнительном ключе Г.В. Вернадский анализирует эпосы тюркских и монгольских народов, с которыми на просторах Евразии исторически соседствовали аланы и родственные им племена. Путем сравнительного изучения древних текстов сказаний, преданий и хроник Г.В. Вернадскому удалось провести параллели между эпической поэзией алан и поэзией «современников и очевидцев жизни алан и их общества, таких как греки и римляне, а также китайцы, и некоторые отражения сако-сарматских легенд в фольклоре, китайской и индо-буддийской литературе» [8. Ф. 41, л. 7].

Тесные параллели в эпической поэзии алан и античного мира Г.В. Вернадский обосновывает важной связью между греческим миром (позднее эллинистическим), с одной стороны, и степным миром алан – с другой. И хотя эти связи определялись больше торговыми интересами, они не могли не сказаться на развитии искусств, взаимовлиянии эпического творчества [8. Ф. 41, л. 11]. Значительная часть статьи посвящена анализу легенд и преданий скифов и их аналогиям в осетинской традиции (гадание на палочках, почетная чаша и т. д.). В статье воссозданы образы знаменитых женщин-воительниц (Амага, Таргитао), двух скифов – Дандамиса и Амизона, описанных Лукианом Самосатским, которые прославили свои имена навеки необыкновенно крепкой дружбой; раскрывается смысл обычной садыться на шкуру заколотого быка и др. Описывая скифские фольклорные древности, автор не задавался целью обязательно находить им эквиваленты в быту алан. Этого он не делает потому, что, во-первых, исходит из аксиомы: язык и обычаи алан идентичны скифам и, во-вторых, что «...скифские истории базируются на местных сказаниях ... подобные темы могли таким же образом быть популярны среди сарматов» [8. Ф. 41, л. 19]. В качестве примера преемственности и непрерывности связей в течение тысячелетий со ссылкой на античных авторов (Аристотель, Клемент) автор приводит текст послания скифского царя Атея к жителям Византии: «Не вреди́те моим доходам, чтобы мои кобылицы не пили вашей воды» [8. Ф. 41, л. 20]. Ученый обнаружил

параллель к этой формуле международного права как в славянской литературе эпохи Киевской Руси («Песнь о князе Игоре»), так и в истории времен хана Ногай, убитого в 1300 г.

Возвращаясь к обстоятельствам появления данного изречения, Г.В. Вернадский объясняет его вероятное появление в эпическом мышлении степных народов, в частности иранских кочевников, следующим образом: «Во время войны в степи добраться до воды – реки или озера – означало захват важного пункта в кампании. Стратегически это означало проникновение в середину вражеской страны, к источникам ее подкреплений. В более прямом смысле это должно пониматься так, что после трудного перехода через засушливую местность, жажда людей, а также лошадей могла, наконец, быть утолена» [8. Ф. 41, л. 20].

Заключительная часть статьи посвящена доказательству единства и преемственной связи скифо-сармато-аланского мира на базе археологического и эпического материала. Основой же для сравнений послужили ритоны и монеты из раскопок, датируемых второй половиной I тыс. до н. э. – первой половиной I тыс. н. э., бактрийские и хорезмийские серебряные чаши эпохи Сасанидов и известные культы Ахурамазды и Митры, образ священного оленя, который в культе Сабазия-Сабазиса⁴ выступает в роли бога охоты и покровителем охоты. В нартовском эпосе осетин покровитель животного мира Афсати подарил семь оленей нарту Ацамазу для свадебной повозки во время его свадьбы с Агундой. Ученый проводит параллель между обнаруженной в Новочеркасске диадемой с изображением сарматской царевны и Агундой – «прекрасной принцессой с косами и крыльями из золота» [8. Ф. 41, л. 22–23].

Работа эта, безусловно, изящна и великолепна. Г.В. Вернадский был одним из первых, кто прибег к проведению сравнительно-исторических параллелей в доказательство единых истоков народов иранского племени. Однако, на наш взгляд, название статьи не вполне отражает ее содержание. В работу также вкралась и неточность, скорее всего корректорская оплошность: Тюркский каганат существовал не до нашей эры, а с VI по VIII в. н. э. [8. Ф. 41, л. 6]. К сожалению, общее приятное впечатление от рассматриваемой статьи в определенной степени портят далекие от науки, некомпетентные редакторские примечания, которыми «обогастил» работу Г.В. Вернадского Дз. Дзанти (Д. Д.). Как пример, можно привести следующие «нововведения» редактора. Так, он считает слово «Авеста» происходящим от осетинского – «Зонд Афыста»(?!). Исходя из этнического родства савков и осетин, в этнониме «сак» Дз. Дзанти почему-то увидел осетинское слово «фæдис», «сагъæс», что по-осетински означает «тревога». Название страны

⁴ Сабазий (др.-греч. Σαβάζιος, Σαβάδιος, Σαβάσιος, Σαβάνδος, Σεβάζιος, Σεβάδιος, возможно также Савватий, Сабаций) – верховный рогатый бог фракийцев и фригийцев, согласно Страбону, «некоторым образом он дитя» Матери богов.

на Дальнем Востоке – Osson – для него – «Обитель страны осов», «Один из осов». Продолжая свои этимологические «упражнения», Дз. Дзанти считает происходящими от осетинского этнонимы: скиф (осет. «скъæф»), сармат (осет. «сæр» и «мæт»), авар (осет. «сывæр» – ставить), Таргитао (осет. «тæргай» – каприз), Амага (осет. «мыг» – сперма), токкар (осет. «тох» и «ар» – интриган), Ахурамазда (осет. «Ахуыры мызд») и т. д. [8. Ф. 41, л. 24–30]. Все эти «упражнения» стоят весьма далеко от лингвистической науки. Единственное, что похоже интерпретировал Дз. Дзанти, – то это значение осетинских слов «зæрин» и «сызгъæрин», что значит «золото», «золотой». Соседство сармато-алан со славянами имело следствием не только взаимопроникновение культур. Г.В. Вернадским было установлено, что через сарматское посредство славяне познакомились с бытовавшими на Ближнем Востоке измерениями длины и веса.

Исходя из текста, настоящая публикация планировалась как первая «из перечня основных тем аланского эпоса». Она должна была послужить неким эскизом к изучению основных проблем аланской поэзии. К сожалению, продолжение сотрудничества Г.В. Вернадского с редакцией журнала не состоялось, ввиду того, что Дз. Дзанти не смог найти источники дальнейшего финансирования журнала. И все же в 1956 году в издательстве Гарвардского университета (США) выходит небольшая совместная статья Георгия Вернадского и Дзамбулата Дзанти под названием «Осетинская легенда об Иры Дада и Мстиславе» [11, р. 18–37], которая становится неким венцом долгой эпистолярной дружбы между ними.

Действо в статье разворачивается вокруг осетинского сказания о «Иры Дада», якобы услышанного Дзамбулатом Дзанти в 1910 г. В предисловии к сказанию Дз. Дзанти рассказывает: «Я – уроженец селения Кудзугусти. По обыкновению, я путешествовал на моей аланской лошади на каждый народный праздник в село Большое Осетинское (Styr Iry Chajmae), чтобы послушать сказания Кулуха (Khulux-Хромого). Этот седобородый старец жил один. Он владел магазином и был довольно зажиточным. Одна нога у него была деревянной. Я расскажу вам то, что услышал от него о его жизни». После детального разбора легенды Дз. Дзанти и Г.В. Вернадский пришли к выводу, что знаменитая схватка князя Тмутаракани Мстислава Владимировича Храброго, описанная в Лаврентьевской и Никоновской летописях (1022 г.), произошла с аланским князем по имени «Иры Дада», а вовсе не с черкесским (касожским) князем Редедей. При этом коллеги привносят свою интерпретацию некоторых терминов и собственных имен. Так, согласно им, имя черкесского князя «Редедя» – это

не что иное, как искаженная форма имени «Иры Дада», то есть «Отец Иронов (осетин)», что, по их мнению, является царским титулом аланского вождя, по аналогии с русским «Царь-батюшка»; имя вдовы Редеди, «аланской княжны» Анастасии, которая после смерти мужа стала женой Мстислава, они интерпретируют в осетинской вариации как Надо; «сармато-аланское» слово *tamga* \ *damga* осетинское *damage* \ *damyhae* Г.В. Вернадский интерпретировал как «*daemyg*» – «твое семя» [11, р. 18–37].⁵

Не осталась эта работа без внимания и советских ученых. В 1958 году В.И. Абаев в статье «Неудачная подделка» [12] подвергает ее довольно жесткой критике, обвинив Дз. Дзанти в том, что история о «Иры Дада» является его собственным вымыслом.

В 1959 году журнал «The American Slavic and East European review» публикует статью Г.В. Вернадского «Проблемы осетинского и русского эпосов» [13, р. 281–284], которую он посвятил памяти Дзамбулата Дзанти, скончавшегося 1 июля 1958 года. Судя по статье, Георгий Владимирович болезненно воспринял критику. Насколько известно, работа эта в русском переводе никогда не представлялась, поэтому, в рамках исследования, стоит привести в качестве примера некоторые выдержки из нее и основные аргументы Г.В. Вернадского в пользу Дз. Дзанти и его интерпретации легенды об «Иры Дада».

«В 1954 году осетин Дзамбулат Дзанти, эмигрант, проживающий во Франции, передал мне текст осетинской сказки (кадæг) «Иры Дада». Это историческая повесть, описывающая конфликт между русскими и осетинами, произошедший в 1022 году. В ней также есть элементы героической панихиды. Как сообщает Дзамбулат Дзанти в «Предисловии» к «Иры Дада», эту сказку он услышал от старого осетинского чтеца Кулуха в селе Большое Осетинское Моздокского района в 1910 году.

В 1956 году был опубликован осетинский текст «Иры Дада» с моим английским переводом и примечаниями в журнале «Американский фольклор» [13, р. 281]. Представляя далее своего друга, Г.В. Вернадский писал: «Я никогда не встречался с Дзамбулатом Дзанти лично, но мы были друзьями по переписке, которая началась в 1953 г. Дзамбулат Дзанти имел золотое сердце, исследовательский ум и глубокое чувство своего родного осетинского языка. Он был проникнут живыми традициями осетинского народа, он впитал их в свою кровь.

В 1932 г. вместе со своими друзьями-эмигрантами Дзамбулат Дзанти организовал центр осетинских исследований в Париже «Институт Осетинологии», который был основан в Кламар-

⁵ Согласно утверждению Д. Дзанти, в 1910 г. он видел тамгу осетинского клана Бургалти, к которому принадлежала легендарная Надо. Она была сделана из бронзы и имела два зубца. – А. Ч.

те (Сена). В 1953 г. первое издание журнала, издаваемое Институтом, было опубликовано в Клармате. Шесть этих изданий появилось в 1953–54 гг. В 1955 г. публикации прервались из-за нехватки средств. Дзамбулат Дзанти очень старался возобновить их, он подал заявку и обратился за помощью к некоторым институтам и фондам, но это не увенчалось успехом. В 1956 г. он сильно заболел, после чего его здоровье было подорвано. Однако до конца своей жизни он оставался крепким духом и динамичным.

Он умер в госпитале Пастера в Ницце 1 июля 1958 г. Случилось так, что во время смерти Дзамбулата Дзанти появилось две придирчивые рецензии на «Иры Дада» в научных журналах, один в Англии за авторством проф. Хеннинга⁶, а второй в СССР – В.И. Абаева». Оба рецензента отказывались признать подлинность «Иры Дада» и подразумевали (в случае с профессором Хеннингом) или прямо утверждали (в случае В.И. Абаева), что Д. Дзанти сам создал «Иры Дада», а не услышал это от Кулуха. Оба критика сравнивали Дзанти с Макферсоном⁷ (это имел в виду Хеннинг; Абаев конкретно упомянул «Оссиана»). Дзамбулат Дзанти больше не с нами, чтобы защищаться от атак Хеннинга и Абаева. Что касается меня, то я полностью доверяю порядочности моего покойного друга и не собираюсь вступать здесь в какую-либо личную полемику от его имени.

Относительно Оссиана я хотел бы только сказать, что в процессе создания Оссиана Макферсоном был, по-видимому, остаток подлинного древнего эпоса и что Оссиан Макферсона показал блестящий литературный дар и творческое воображение автора. Поскольку Хеннинг и Абаев считают Дзамбулата Дзанти новым Оссианом, они должны были признать его хотя бы в этом качестве. В самом деле, если бы Дзанти был автором «Иры Дада», а не просто передатчиком послания Кулуха, его достижение с чисто литературной точки зрения было бы еще более впечатляющим. Его следовало бы провозгласить великим осетинским поэтом.

Случай с «Иры Дада», независимо от того, считаем ли мы это предание подлинным эпосом (как я) или «фальшивой сказкой» (как это делает У. Б. Хеннинг), заслуживает внимательного и непредвзятого внимания, поскольку является частью более общей проблемы осетинского эпоса в целом и его взаимосвязи с древнерусским эпосом. На мой взгляд, насмешливо-полемический тон рецензий Хеннинга и Абаева на «Иры Дада» (довольно грубый тон в случае Абаева) может скорее навредить исследованию проблемы, чем помочь ему. В своих следующих замечаниях я буду касаться сути их аргументов, а не деталей их полемики.

Основные моменты в аргументации Хеннинга и Абаева следующие:

(1) Поскольку в осетинском фольклоре, зафиксированном в письменной форме и изданном, нет и следа исторического эпоса, то нельзя допустить того, чтобы и в осетинской устной традиции существовало такое предание, как «Иры-Дада». Хеннинг говорит: «Настоящие осетинские народные сказки, которых опубликовано большое количество, имеют дело с духами и демонами, героями и великанами и т. п., а не с узнаваемыми историческими ситуациями» (стр. 315 статьи Хеннинга)...

... (3) И Хеннинг, и Абаев отказываются верить в то, что Дзамбулат Дзанти действительно слышал «Иры Дада» от Кулуха. Оба они, видимо, сомневаются в самом существовании Кулуха.

При проверке обоснованности аргументаций Хеннинга и Абаева считаю необходимым начать с Кулуха. Следует отметить, что Дзанти не просто упомянул имя Кулуха. В своем «Предисловии» к «Иры Дада» Дзанти указал место, время и другие обстоятельства, при которых Кулух читал «Иры Дада». Дзанти также сообщил мне краткую историю жизни Кулуха, которую он услышал от самого Кулуха. Между прочим, Кулух рассказывал Дзанти, что «в тридцать лет я поселился в селе Большое Осетинское, открыл лавку (дукани) и так живу один и пою осетинские нартские сказания о наших предках, о том, как они жили. О как низко мы пали. Я записал много преданий, но греческими буквами – кто их поймет?» (Ранее в своем рассказе Кулух объяснил Дзанти, что он выучил греческий язык в детстве, когда грек и его семья поселились в доме отца Кулуха, и Кулух стал другом мальчиков-близнецов грека, которые были его возраста.)

В своем письме ко мне (февраль 1955 г.) Дзанти сообщил мне некоторые дополнительные сведения о Кулухе. Дзанти утверждал, что Кулуху в 1910 году было за семьдесят, но, несмотря на возраст, он был довольно бойким и на народных гуляниях пел старинные сказания. А Дзанти добавил, что Кулуха «должны помнить [в Осетии] и сейчас». Еще одна интересная информация в письме Дзанти – его беседа со своим другом, потомком старого осетинского рода Бургалты (упоминается в «Иры Дада»). Когда Дзанти спросил его об «Иры Дада», Бургалты ответил: «Никто не знает наше предание лучше, чем Кулух».

Ни Хеннинг, ни Абаев не проявили никакого интереса к личности Кулуха. Абаев называет Кулуха «каким-то лавочником» (некий лавочник, стр. 74 рецензии Абаева). Видимо, с точки зрения Абаева, лавочник представляет буржуазный элемент и не стоит внимания. Согласно тому, что Дзанти сказал Кулуху, последний был в свое время извест-

⁶ Вальтер Бруно Хеннинг (нем. Walter Bruno Henning; 26 августа 1908, Неман, округ Рагнит – 8 января 1967, Беркли, Калифорния) – немецкий ученый (филолог и лингвист), покинувший страну в 1936 году, спасаясь от нацистов, и затем работавший в Великобритании и США. Специализировался на среднеиранских языках и литературе.

⁷ Джеймс Макферсон (27 октября 1736, Рутвен, Инвернесс – 17 февраля 1796, поместье Беллвилл, там же) – шотландский поэт, мистификатор, прославившийся «переводом» с гэльского поэм Оссиана, на самом деле написанных самим Макферсоном.

ным чтецом осетинских сказок. В связи с этим личность Кулуха должна вызывать значительный интерес со стороны любого серьезного исследователя осетинского фольклора. Личность чтеца имеет большое значение при изучении «устной литературы» любого народа. Это давно поняли при изучении русских былин. Как до, так и после 1917 г. русские фольклористы уделяли большое внимание старым чтецам. То же самое следовало бы применить и к изучению осетинского фольклора.

Ученые, интересующиеся остатками осетинского (аланского) эпоса и имеющие доступ к советской Осетии, должны попытаться собрать все сведения о Кулухе, которые еще могут быть доступны в Осетии. Как предположил Дзанти, в Осетии наверняка есть люди, которые до сих пор помнят Кулуха. Кроме того, история Кулуха, рассказанная Дзанти, содержит чрезвычайно интересную деталь, а именно то, что Кулух записал многие сказки греческими буквами. Вероятность того, что бумаги Кулуха сохранились, невелика, но поиски их все же следует предпринять» [13, р. 282–284].

Далее Г.В. Вернадский пробует разобраться в вопросе об этнических именах в легенде об «Иры Дада», вновь интерпретирует этноним «Тохары» как «воин», ссылаясь на то, что слово «тох» переводится с осетинского как война», объясняет присутствие этнонима «Алан» в легенде как факт того, что он сохранился в осетинской устной традиции, несмотря на то, что до сих пор не был зафиксирован учеными».

Он критикует Хеннинга за то, что тот отрицает наличие эпических традиций у осетин. «Он называет осетин «народом, лишенным исторических традиций» (с. 315). Он допускает лишь существование осетинских «сказаний» [13, р. 281–284].

«Что касается героического рассказа в аланском эпосе, то многие темы сохранились у греческих писателей. Намеки на существование аланского народного эпоса и исторических сказаний также прослеживаются в различных источниках. Как известно, большие группы аланов мигрировали на запад – во Францию, Испанию и Северо-Западную Африку – во время великого переселения народов (*Völkerwanderung*) в конце четвертого и пятом веках. Однако значительная часть аланов осталась на Кавказе, в Крыму, на Дону и в Донецкой области на юге России. Долгое время они сохраняли старое название Аланы, часто упоминаемое в византийских источниках. Даже Хеннинг признает, что «старый термин, алан, все еще был известен и применялся к предкам осетин в пятнадцатом веке» (стр. 315 статьи Хеннинга)»

Аргументируя существование как такового аланского эпоса, Г. Вернадский пишет: «Что касается аланско-русских отношений, то одним из важных районов встречи двух народов было русское княжество Тмутаракань, образовавшееся по обе стороны Керченского пролива. Русские жили там в

непосредственной близости с крымскими аланами с одной стороны и кавказскими аланами с другой. На кавказской стороне Керченского пролива также жили Касоги (черкесы), чей эпос находился под влиянием аланов. Сказания о нартах были так же популярны у кабардинцев и черкесов, как и у осетин. Другим районом соприкосновения служила Донско-Донецкая область, так как группа аланов, давно обосновавшаяся в этой области, проживала здесь недалеко от границ Чернигово-Северской земли.

Неоднократно аланы служили в дружине русских князей. Некоторые из последних женились на аланских (осетинских) принцессах. Предположительно, некоторым аланским дружинникам довелось читать аланские былины при дворе русского князя, которому они служили. Аланские жены русских князей, несомненно, привели с собой на Русь их родственников и приближенных. Можно предположить, что во многих случаях о детях, рожденных от смешанных русско-аланских браков, заботились аланские няньки. Такие няни, скорее всего, декламировали аланские сказки и пели этим детям аланские колыбельные.

В русской научной литературе впервые проблема соотношения аланского (осетинского) и русского фольклора и эпоса была поставлена М.Г. Халанским. Затем проблеме уделил значительное внимание В.Ф. Миллер. Совсем недавно французский ученый Ж. Дюмезиль рассмотрел этот вопрос в своей «Записке», озаглавленной «*Entre la Perse et la Russie*», которая является приложением к его книге *Legendes sur les Nartes*.

В.Ф. Миллер проанализировал ряд параллелей в чертах характера русских богатырей и героев нартского эпоса. Пары, демонстрирующие определенное сходство в своих чертах, это Святогор (Россия) и Мукара (Осетия); Илья Муромец и Урузмаг; Добрыня и снова Урузмаг; Потык и Созырыко. Из параллелей Миллера Дюмезиль определенно принимал только одну: Святогора и Мукару. Дюмезиль допускал сходство в других случаях, обсуждаемых Миллером, но считал их недостаточно близкими, чтобы сделать о них определенное заявление» [13, р. 281].

Изложив все возможные аргументы в пользу версии, предложенной Дз. Дзанти, Г.В. Вернадский завершает статью следующей фразой: «Кулух, по-видимому, был одним из последних осетинских чтецов, знакомых с остатками древнего героического эпоса» [13, р. 282–284].

Статья эта, безусловно, заслуживает внимания не только исследователей творчества Г.В. Вернадского. Она стала данью памяти Дз. Дзанти. Несмотря на некоторые не совсем удачные этимологии многих этнонимов, сделанных, как мы полагаем, под влиянием Дз. Дзанти, эта статья является прекрасным образцом осетинских штудий видного русско-американского историка Г.В. Вернадского.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Дзанти Д.** *Изгнанник Кавказа / Предисл. авт. «Легенда о Кавказе».* – Париж, 1931 (Imp. «Pascal»). 75 с. – Библиогр. авт. на с. 4 обл.
2. **Осетия (Ossetie).** №№ 1–7. – Paris, 1933.
3. **Кузнецов В.А.** *Очерки истории алан.* 2-е изд. – Владикавказ, 1992. 390 с.
4. **История Северо-Осетинской АССР в двух томах.** Т. I. – Орджоникидзе, 1987.
5. **Очир А.** *Монгольские этнонимы: вопросы происхождения и этнического состава монгольских народов.* – Элиста, 2016.
6. **Бубенок О.Б.** *Аланы-асы в Золотой Орде (XIII–XV вв.).* – Киев: «Истина», 2004. 324 с.
7. **Культура и время.** № 2 (44). 2012. С.73.
8. **Научный архив СОИГСИ им. В.И. Аббаева.** Ф.41.
9. <https://roerichsmuseum.website.yandexcloud.net/PGNR/PGNR-174.pdf>
10. **Annuaire de l'institut philologie et d'histoire orientales et slaves,** 1953, 12. P. 517–538.
11. **George Vernadsky and Dzambolat Dzanty.** *The Ossetian tale of Iry Dada and Mstislav.* Slavic Folclore. A Symposium. Philadelphia. American Folklore Society. 1956. P. 18–37.
12. **Абаев В.И.** *Неудачная подделка.* – НОЛЯ. – М., 1958 (т. XVII) вып. 1, стр. 72–74. Рецензия на работу: *The Ossetian tale of Iry Dada and Mstislav by George Vernadsky and Dzambulat Dzanty.* – Journal of American Folklore, vol. 69, July–September, 1956. К изучению летописания.
13. **George Vernadsky.** *Problems of Ossetic and Russian Epos.* The American Slavic and East European review, Vol. 18. No. 3 (Oct, 1959) pp.281–294.

REFERENCES

1. **Dzanti D.** *Izgnannik Kavkaza / Predisl. avt. «Legenda o Kavkaze».* – Parizh, 1931 (Imp. «Pascal»). 75 s. – Bibliogr. avt. na s. 4 obl.
2. **Osetiya (Ossetie).** №№ 1–7. – Paris, 1933.
3. **Kuznecov V.A.** *Ocherki istorii alan.* 2-e izd. – Vladikavkaz, 1992. 390 s.
4. **Istoriya Severo-Osetinskoj ASSR v dvux tomax.** T. I. – Ordzhonikidze, 1987.
5. **Ochir A.** *Mongol'skie e'tnonimy': voprosy' proisxozhdeniya i e'tnicheskogo sostava mongol'skix narodov.* – E'lista, 2016
6. **Bubenok O.B.** *Alany'-asy' v Zolotoj Orde (XIII–XV vv.).* – Kiev: «Istina», 2004. 324 s.
7. **Kul'tura i vremya.** № 2 (44). 2012. S.73.
8. **Nauchny'j arxiv SOIGSI im. V.I. Abaeva.** F.41.
9. <https://roerichsmuseum.website.yandexcloud.net/PGNR/PGNR-174.pdf>
10. **Annuaire de l'institut philologie et d'histoire orientales et slaves,** 1953, 12. P.517–538
11. **George Vernadsky and Dzambolat Dzanty.** *The Ossetian tale of Iry Dada and Mstislav.* Slavic Folclore. A Symposium. Philadelphia. American Folklore Society. 1956. P. 18–37.
12. **Abaev V.I.** *Neudachnaya poddelka.* – NOLYa. – M., 1958 (t. XVII) vy'p. 1, str. 72–74. *Recenziya na rabotu: The Ossetian tale of Iry Dada and Mstislav by George Vernadsky and Dzambulat Dzanty.* – Journal of American Folklore, vol. 69, July–September, 1956. *K izucheniyu letopisaniya.*
13. **George Vernadsky.** *Problems of Ossetic and Russian Epos.* The American Slavic and East European review, Vol. 18. No. 3 (Oct, 1959) pp.281–294.

